

СТАТТІ КОНФЕРЕНЦІЇ

УДК 617-089(092)Склифосовський
СКЛИФОСОВСКИЙ ВЫДАЮЩИЙСЯ ХИРУРГ-ДИАГНОСТ

Ждан В.М., Скрипников М.С. Лігоненко О.В., Чорна І.О., Костенко В.О.

Вищий державний навчальний заклад України «Українська медична стоматологічна академія», м. Полтава

Эта историческая работа приводится нами для того, чтобы полнее обрисовать Н.В.Склифосовского, как блестящего хирурга-диагноста, своевременно поставившего правильный диагноз болезни Н.И.Пирогова.

В начале 1881 г. Н.И.Пирогов заметил, что все соленое, кислое и едкое производило при жевании некоторую боль и раздражение на слизистой оболочке твердого неба, справа, близ внутреннего края гладкого и вполне правильного валика десны, против места, соответствующего, приблизительно, 3-4 коренным зубам. Ощущение и вид болевшего места по словам

самого Н.И.Пирогова, напоминали сначала просто ссадину или незначительный ожог слизистой оболочки неба, но затем ссадина довольно быстро приняла вид отверстия и казалась как бы входом во вполне возможный в данном месте зубной свищ, но ни канала, ни выделения гноя не было. Н.И.Пирогов немедленно, сразу, прекратил питье эссенцукской воды, курение сигар, питье столового вина, перестал есть все маломальски твердое и первый раз в жизни испытал молочную диету: свежее, теплое молоко или молоко с чаем он пил небольшими количествами, раз 8 в сутки, втягивая его из стакана, через трубочку. Колоссальная воля Н.И.Пирогова сделала решительно незаметным для окружающих его все лишения; исключительное питание молоком удивило его неожиданным влиянием на желудок. Прежде при употреблении разной пищи молоко всегда производило у него понос, теперь же приходилось ежедневно прибегать к клистеру. Тем временем небольшая язвочка с резко очерченными краями медленно расширялась; дно ее заметно углубилось, а по соседству, ближе кпереди, образовалось тоже, не более 0,5 см в диаметре обнаженная от эпителия поверхность, а на небе, вдоль валика десны, стали заметны налитые кровью сосуды. Общее состояние организма и питание были еще вполне удовлетворительны. Некоторая боль и неловкость при движениях языка часто и невольно отвлекали на себе внимание Пирогова. Чтобы предохранить чувствительные поверхности от влияния пищи и других раздражителей, было испробовано несколько разных клейких смазок на тонкой клееночке, протективе Листера и др., но все они оказались неудобоприменимыми, и Николай Иванович нашел наиболее целесообразным закрывать язвочки кусочком пропускной бумаги, смазанной и пропитанной густым отваром льняного семени.

В этот отвар он прибавлял сначала карболо-

вую кислоту (2 капли на блюдце отвара), а потом настойку опия или раствор уксуснокислого морфина. Ночью такие пластинки удерживались на месте хорошо, но днем разговор и кушанье часто заставляли возобновлять заклепку, что отнимало время, отвлекало от дела от дела и иногда причиняло пренеприятную возню.

В этом периоде болезни Николая Ивановича видели случайно заехавший в его имение доктор И.В.Бертенсон и приехавший к Пирогову из Москвы приглашать его на юбилей проф. Н.В.Склифосовский - Николай Иванович охотно показывал язвочки обоим товарищам. Оба они успокаивали его, соглашаясь с его собственным объяснением причины язвочек. Сам Пирогов одно время подозревал, что язвочки имели связь с давнишним катаром желудка и кишок, что это афтозные язвы; потом он заподозрил, нет ли в уцелевшей десне зубного корня; иногда он думал, нет ли под язвочкой непрорезавшегося зуба мудрости. Проф. Н.В.Склифосовский после осмотра и исследования полости рта на вопросы жены Пирогова успокоил ее и высказал, что язвы не злокачественны, но что едва ли они могут зажить.

Близился юбилей Н.И.Пирогова. Беспокойство его жены относительно излечимости его болезни доходило почти до полной уверенности, что это рак, что его ждет медленная, мучительная и верная смерть в текущем году. В доме решено было выждать поездку в Москву, куда должны были съехаться отовсюду хирурги и где после торжества будет весьма удобно составить консилиум из лучших представителей хирургии.

Путешествие Н.И.Пирогова в Москву было обставлено всевозможными удобствами. Кроме того, всюду по дороге задушевный прием и множество встреч заставляли его забывать свою болезнь. 22 мая около полудня Н.И.Пирогов был почетно встречен в Москве. Здесь 23, 24 и 25 мая были для него нескончаемым рядом поздравлений. Понятно, что он провел это время в настроении, далеком от мысли о болезни.

Из хирургов в Москве первым осмотрел язвочки Н.И.Склифосовский утром 24 мая. Как громом, поразил его резко и категорически высказанный взгляд родным Пирогова: «Ни малейшего сомнения быть не может, что язвы злокачественные, что существует новообразование эпителиального характера». «Необходимо удалить, оперировать, как можно скорее», добавил Н.И.Склифосовский, иначе неделя – другая, и будет поздно и невозможно». 25-го язвы Пирогова осматривали, кроме Н.И.Склифосовского, профессора хирургии Грубе из Харькова и Валь из Дерпта. Оба они находили положение Пирогова столь же тяжелым, как и Н.И.Склифосовский, и высказывали свое кате-

горическое мнение о качестве язв не только другим врачам, но и госпоже Пироговой. Предлагали оперировать теперь же, немедленно, в Москве. Само собою разумеется, что решение относительно ракового характера язв не было сообщено в это время самому Н.И.Пирогову. На 26 мая в 11.30 утра был назначен общий консилиум. Телеграммой был вызван старший сын из Петербурга. Собрались 4 профессора - Н.В.Склифосовский, Э.К.Валь, В.Ф.Грубе и Э.Э.Эйхвальд. После совместного осмотра и переговоров с Пироговым врачи совещались в особой комнате. Н.В.Склифосовский в роли председателя и как видевший больного за 2 месяца перед тем рассказал течение болезни, причем заявил, что в настоящее время он констатировал громадную перемену в смысле увеличения, изменения качества краев и дна, а затем попросил и других высказать их мнение о том, когда и какая возможна помощь. Профессора В.Ф.Грубе и Э.К.Валь поочередно перечислили все объективные данные, вытекавшие из места и свойства дна раны язв, и указывали на утолщение и инфильтрат в окружности изъязвления; в конце концов, распознавание всех 4 профессоров было единогласно: на правой половине твердого неба вполне характерное злокачественное эпителиальное, изъязвившееся новообразование. С таким же единогласием консилиум признал и необходимость возможно скорого оперативного вмешательства. «Теперь я удалю все дочиста в 20 минут, а через 2 недели это едва ли будет возможно», говорил Н.В.Склифосовский, и все согласилось с ним. Единогласное решение врачей, участвовавших в консилиуме, было открыто высказано жене и сыну Пирогова. Проф. Грубе выехал из Москвы тотчас после консилиума, дав письменное удостоверение жене Пирогова, что с операцией можно еще подождать с неделю, и что он по первому зову явится в имение Пирогова из Харькова. Проф. Валь тоже выехал, но дал слово быть к услугам Пирогова в деревне, когда бы тот не пожелал. В этот же день много говорили о том, сообщать ли Пирогову решению консилиума, в какой форме и кому первому. Наконец, было крайне важно знать, как посмотрит он на предложение операции, хотя из предыдущих разговоров с Пироговым было уже ясно, что он будет согласен будет на операцию, если она будет признана безусловно необходимой. Решено было сказать откровенное мнение консилиума до выезда из Москвы.

Жена взяла на себя сообщить решение консилиума, но ни 26, ни 27 мая она не решилась ясно передать Пирогову ужасавший ее приговор врачей. Оставалось не больше 2 часов до отъезда из Москвы, когда Н.В.Склифосовский и Э.Э.Эйхвальд объявили ему решение конси-

лиума о необходимости сделать ему операцию возможно скорее. Мысль ехать за границу к Бильроту подали перед самым выездом Пирогова из Москвы его жена и сын, а присутствующая тут же сестра жены Пирогова – Любощинская советовала ехать за границу, кроме Вены, в Париж для совета и операции. Пирогов быстро решил ехать именно в Вену к Бильроту, и притом теперь же, прямо из Москвы.

Бильрот приехал в гостиницу к Пирогову и с первых же фраз оказал ему глубокое уважение; затем терпеливо, долго и спокойно выслушивал подробный рассказ Пирогова о начале и течении его болезни. Осмотр рта и язвочек, исследование пальцами проф. Бильрот производил при полнейшем содействии самого Пирогова не менее 10 минут. Можно вообразить, с какими чувствами ожидали сам Пирогов, его жена первых слов консультанта. Бильрот спокойно, с полной уверенностью и категорически высказался, что о злокачественности язв не может быть и речи; что он не видит и не находит ни единого признака, позволяющего принять эти язвы за раковые, что он теперь же высказывается окончательно и вполне отрицает взгляд московских хирургов и никакой операции решительно не находит нужным предпринять. Мнение Бильрота об язвах у Пирогова было таково: это простые язвы от давления и раздражения; они очень мало склонны к заживлению и, вероятно, обусловлены еще незаконченным процессом в соседних зубных луночках, где все еще образуются и давят на кость, может быть, ненормально развивающиеся грануляции.

Бильрот вполне одобрил отвар льняного семени как средство для удержания закрывающей язвочки бумажки, но советовал не раздражать их частыми переменаами. Бильрот был у Пирогова и на следующий день, снова осмотрел него и остался при своем прежнем мнении.

Расположение духа Пирогова в Вене же резко и быстро изменилось: из убитого и дряхлого старика, каким он был все время дороги от Москвы до Вены, он опять сделался бодрим и свежим. По возвращению в Вишню в общем он чувствовал себя вполне удовлетворительно, продолжал клеивать язвы бумажками и усердно полоскать рот раствором квасцов по предписанию Бильрота.

Однако уже через 1,5 месяца - в июле 1881 года Пирогов начал все более и более убеждаться в характере своей болезни. В общем со-

стоянии с течением времени все резче и резче выражался упадок сил. Язва во рту заметнее стала увеличиваться, сделалась грязнее с поверхности и причиняла чаще боль и беспокойство, появилась припухлость и инфильтрат шейных лимфатических желез со значительными болями. С этого времени началась томительная для больного борьба между смертью и мучительным существованием.

С трудом можно вообразить себе то мучительное, и нравственное и физическое состояние, в котором был Пирогов, вполне осознавший близость смерти. Он выразил свои размышления о постигшей его болезни в оставленной на столе особой записке написанной за 26 дней до смерти: «Ни Склифосовский, Валь и Грубе, ни Бильрот не узнали у меня *ut ulcus oris tem mus cancerosum serpedi ginosum* – иначе, первые три не посоветовали бы операции, а второй – не признал бы болезнь за доброкачественную. 1881 г. Октябрь 27 – Пирогов».

Спокойно, без всякой мучительной борьбы, Пирогов тихо умер в 8 часов 25 минут вечера 23 ноября 1881 года.

На 4 день после смерти, тело Пирогова было тщательно бальзамировано приехавшим в Вишню из Петербурга доктором Д.И.Выводцевым путем впрыскивания в сонные и бедренные артерии раствора тимола, без вскрытия черепной, грудной и брюшной полостей.

После бальзамирования тела Пирогова, 28 ноября доктор Выводцев, с согласия вдовы покойного, вырезал часть опухоли, занимавшей всю правую половину верхней челюсти, которая оказалась поражена новообразованием, распространившимся до полости носа. Удаленная при бальзамировании часть опухоли была сначала в Киеве, в лаборатории проф. Томсы, исследована вместе с доктором Выводцевым и проф. Томсою, затем та же опухоль была тщательно исследована в Петербурге профессором патологической анатомии Н.П.Ивановским, и оказалось, что у Н.И.Пирогова был характерный роговой рак, но еще в ранних стадиях развития.

Данная работа дает возможность полнее обрисовать Н.В.Склифосовского, как блестящего хирурга-диагноста, своевременно поставившего правильный диагноз болезни Пирогова. Н.В.Склифосовский настоятельно доказывал необходимость срочной операции, в благоприятном исходе которой не сомневался.